

Светлана Кравченко
(Луцк, Украина)

ВОПРОС ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПОЛЬСКИХ ПРОМЕТЕИСТОВ, ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Польский прометеизм – известное политическое движение, которое возникло после первой мировой войны как реакция представителей интеллектуальной мысли на сложившуюся геополитическую ситуацию в восточной Европе. В 1926 году в Париже возникла организация „Prometeusz”, которая объединила представителей кавказских народов, украинской эмиграции, крымских татар и других поработанных Россией наций. Вначале прометеизм имел открытую, а потом – после польско-советского пакта 1932 года о ненападении – скрытую финансовую и организационную поддержку польских властей, которые рассматривали идеи прометеизма как развитие сформулированной Ю. Пилсудским федеративной концепции взаимоотношений с восточными соседями¹.

Главными средствами распространения идей прометеизма в Польше стали научные и общественные организации, а также периодические издания: издание „Przymierze” (1920–1921), Związek Zbliżenia Narodów Odrodzonych (1921–1923); с 1928 года в Варшаве существовал клуб „Prometeusz”, позже возникло периодическое издание под таким же названием; исследования в этой сфере проводили научно-исследовательский Институт Восточной Европы в Вильно, а также Восточный институт в Варшаве. В конце 20-х и 30-е годы сторонники прометеизма сгруппировались вокруг Ежи Гедройца и его издания „Bunt Młodych” (с 1937 – „Polityka”), в 30-е годы к ним присоединились издания Влодзимежа Бончковского „Wschód-Orjent” и „Biuletyn Polsko-Ukraiński”.

Редактором общественно-политического еженедельника „Bunt Młodych” был Е. Гедройц. Среди сотрудников встречаем имена Ад. Бохенского, К. Прушинского, К. Студентовича, П. Дунин-Борковского и др. После появления ежемесячника „Biuletyn Polsko-Ukraiński” на его страницах видим тех же авторов – Ад. Бохенский, С. Лось, К. Прушинский и мн. др.

¹ *Wielka encyklopedia PWN*, t. 22, Warszawa 2004, s. 340.

В июле 1930 года по инициативе Министерства иностранных дел был учрежден ежеквартальник „Wschód-Orjent”, который издавала организация „Orientalistyczne Koło Młodych”. Его первым редактором был Е. Гедройц. Руководил организацией В. Бончковский как представитель Восточного Института, основанного еще в 1926 году с целью исследования проблем народов и стран Востока, а также распространения знаний о них в Польше. В первом выпуске издания писали: „Liczcie na nas”, имея в виду освободительные намерения народов Кавказа. В октябре 1930 года редакцию возглавил В. Бончковский.

В отношении славянских народов миссию Польши видели в образовании вокруг нее так называемого славянского вала. Относительно положения нацменьшинств, представители прометеизма были сторонниками их государственной ассимиляции. Фундамент концепции прометеизма составляла идея могущественной Польши, изложенная в таких пунктах: отказ от политической демагогии и торга ради отдельных партий, творческое и рациональное формирование новой общественной иерархии; стремление отдалить территориальную и политическую угрозу двух воинствующих соседей (имелись в виду Германия и Россия); исполнение исторической миссии – создание блока славянских государств во главе с Польшей; базирование общественной жизни на принципах христианской морали; предоставление полноты исполнительной власти; устранение национализма из государственной политики, решение социальных проблем, привлечение широкой общественности к процессу государственного строительства и реструктуризация экономики. За все время существования коллектив издания „Bunt Młodych” защищал приоритеты сильного государства, называя свою концепцию „syntezą tak zwanej ideologii mocarstwowej”².

Поддерживая идеологию „пилсудчиков”, редакция подчеркивала, что они приняли и продолжили существующую в польской истории традицию, а не открыли ее³. В поисках оптимальной формы правления современной им Польши склонялись к авторитарному государству. Требовали заменить старые доктрины новыми, а в майских событиях 1926 года видели приход нового поколения.

Осознание необходимости реформ на восточных территориях обусловило особое внимание к украинской теме. Решение национальных проблем редакция видела в духе „идеологии ягеллонской” – то есть привлечение национальных меньшинств к государственному строительству и труду на общее благо. Используя термин „ягеллонизм”, подразумевали прежде всего сотрудничество славянских народов. Соответственно

² R. Piłsudski, *Synteza ideologii mocarstwowej*, „Bunt Młodych” 1931, nr 7.

³ *Zachowawcy i my*, „Polityka” 1937, nr 31/145.

независимость Украины находилась, по их убеждению, в кругу польских национальных интересов, поскольку независимое государство на востоке становилось барьером перед коммунистической Россией и принимало ее аппетиты. По этому поводу Ад. Бохенский писал, что Польша выгодно образование вокруг нее „максимального количества государственных организмов”⁴.

Пути решения украинской проблемы в Польше представлены в различных публикациях издания „Bunt Młodych”. Программа прометеистов включала шаги психологического, культурного и политического характера: не игнорировать термина „украинцы”, не заменять его нивелирующим „русины”, ввести двуязычные надписи и украинский язык в государственных учреждениях, разрешить использование украинских цветов, вместе отмечать годовщины битв, допускать благосклонных украинцев к должностям в администрациях⁵. В сфере образования Ал. Бохенский предлагал ликвидировать утраквистические (двуязычные) школы, заменив их отдельными для поляков и украинцев, открыть украинские гимназии, кафедры и университет. В сфере политики – разрешить украинцам самоуправление, которое должно было легализировать их нелегальную деятельность, ввести национальный подход на выборах в местные советы и в самоуправлении. С. Лось в экономике считал необходимостью приостановить ликвидацию частных хозяйств, которые не вызывали такого сопротивления среди украинских крестьян как осадничество⁶. В. Бончковский писал о необходимости соединения интересов Польши с освободительным движением народов, поработанных Россией, которое позволило бы ей выйти из тесного коридора между Германией и Россией⁷.

Украинский вопрос рассматривался как важнейшая внутренняя государственная проблема и составная прометейской политики, которая должна была принести безопасность на востоке. Несмотря на то, что это была самая „украинофильская” концепция среди всех, существующих тогда в Польше версий решения украинской проблемы, она не имела широкой поддержки среди украинского населения. Были свои причины такого отношения. Но прометеисты, в отличие от остальных, предлагали диалог и сотрудничество вместо конфронтации или игнорирования, предлагали идею, единственную перспективную по своей сути.

Ад. Бохенский, рассматривая политическую ситуацию середины 30-х годов, в статье *Odwieczny wróg Rzeczypospolitej* писал, что существующая политическая конъюнктура антагонизма России и Германии выгодна Польше, поскольку именно в результате такого антагонизма Польша

⁴ A. Bocheński, *Aktualność idei jagiellońskiej*, „Bunt Młodych” 1937, nr 2 (116).

⁵ *Problem polsko-ukraiński w Ziemi Czerwieńskiej*, Warszawa 1938, с. 191.

⁶ Там же, с. 206.

⁷ Там же, с. 242.

в конце первой мировой войны добилась независимости. Однако всегда нужно быть готовыми к изменениям конъюнктуры, поэтому нужно искать союзников на востоке, среди народов, оккупированных Россией, в том числе в лице Украины. То есть, украинский вопрос был частью вопроса польской безопасности⁸. Геополитический аспект украинского вопроса в Польше рассматривался в статье О. Гурки *Między Niemcami a Rosją*. Публицист видел положительным для Польши такое развитие событий:

Единственным полным и положительным результатом русского взрыва был бы раздел советской России на отдельные национальные государства. Наверное, некоторые из них были бы в тесной связи с Германией. Но те возникшие государства находились бы между собой в таком антагонизме, что связь одних с немцами автоматически означала бы противостояние с ними остальных. Таким образом, наш восточный сосед распался бы на ряд нейтрализующих друг друга государственных организмов и в некотором смысле перестал бы для нас существовать вообще. В случае завязания немецко-русского конфликта, который был бы Польше неслыханно выгодным, польские национальные интересы должны побеспокоиться лишь об одном. Имеем в виду необходимость распада России на ряд национальных государств⁹.

Огромное значение в углубленном изучении украинской проблемы в 20–30-е годы имели работы В. Бончковского, символической и главной личности в польско-украинском диалоге этого периода. Заинтересованность восточными проблемами обусловлена этапами его жизненного пути. Писатель родился в семье изгнанника, сосланного в Сибирь без права возвращения за участие в антироссийском подпольном движении¹⁰. Жизненный опыт сформировал большинство интересов будущего писателя. Вначале был членом Общества имени Петра Скарги и сотрудничал с Восточным Институтом, для которого готовил обзоры советской прессы. В 1928 году по его инициативе было создано Молодежное Ориенталистическое Общество с целью изучения и сближения с народами Востока. С 1930 года работал в Восточном Институте в Варшаве, где сотрудничал с представителями эмиграции народов, захваченных советской Россией.

В 20–30-е годы в Польше относился к специалистам с восточных проблем, был известным знатоком польско-украинских отношений и российской политики. Основатель и редактор издания „Biuletyn Polsko-Ukraiński” (1932–1938), редактор журнала „Wschód” (1930–1939). Большинство его работ об украинском вопросе были опубликованы в бюллетене. Статьи этого периода позже вышли отдельными книгами: *U źródeł upadku i wielkości* (1935), *Grunwald czy Pilawce* (1938), *Problem*

⁸ А. М. Bocheński, *Odwieczny wróg Rzeczypospolitej*, „Bunt Młodych” 1936, nr 2 (93), с. 4–5.

⁹ *Między Niemcami a Rosją*, „Bunt Młodych” 1937, nr 2 (116), с. 1.

¹⁰ См.: J. Cisek, *Włodzimierz Bączkowski*, „Eurazja” 1997, nr 1.

Polsko-Ukraiński w ziemi czerwieńskiej (соавторы: Ал. Бохенский, С. Лось) (1938), *W obliczu wydarzeń* (1939). В них представлена его восточная концепция.

Деятельность В. Бончковского в качестве редактора еженедельника „*Biuletyn Polsko-Ukraiński*” до сих пор не оценена по достоинству. В издании анализировали состояние и перспективы польско-украинских отношений, искали пути ликвидации или хотя бы нейтрализации источников конфликтов.

Некоторые польские историки связывали существование издания со скрытым патронатом лагеря „пилсудчиков”, а именно одного из отделений Министерства внутренних дел, которое координировал движение прометеизма. А. Хойновский утверждает, что все политические тексты проходили тайную цензуру отдела. После 1935 года, когда начали появляться статьи, критикующие национальную политику польского правительства, возникла идея закрытия издания¹¹. В. Бончковский в своих воспоминаниях отрицал практику цензуры текстов¹². Авторский состав был настолько авторитетным, что не допускал возможности оперирования его суждениями. На страницах издания постоянно высказывались разные и даже противоположные взгляды на одну и ту же проблему, но форсировалась исключительно идея польско-украинского союза.

В публицистике В. Бончковского отражены его собственные политические взгляды, в центре которых – польские национальные интересы. Они рассматривались в контексте геополитической ситуации, сложившейся в Европе. Писатель постоянно указывал угрозу с востока в лице России. Он видел политическую природу этого государства близкой азиатским традициям, которая под воздействием коммунистической идеологии стала более агрессивной. Был убежден, что захват всей или части польской территории относится к неизменным целям российской международной политики.

Писатель никогда не скрывал своего восхищения личностью Ю. Пилсудского. Считал его самым талантливым польским политиком, который мог взяться за решение сложных восточных проблем. Однако никогда не боялся критиковать деятельность „санации”.

В украинском вопросе Бончковский пытался склонить и убедить польскую и украинскую стороны в пользу польско-украинского союза, особенно в ситуации возрастающей российской угрозы. Был противником силового решения проблем, противником полонизации украинцев, считая ее катализатором межнационального конфликта. Утверждал, что,

¹¹ А. Chojnowski, *Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939*, Wrocław 1979, с. 193–233.

¹² W. Bączkowski, *Karta z historii stosunków polsko-ukraińskich*, „*Niepodległość*” 1986, т. 19.

поддерживая освободительное движение украинцев, Польша найдет в них союзников и предупредит экстремистские действия. Среди украинских политиков особенно ценил С. Петлюру и верил в независимость Украины в недалеком будущем.

Заинтересованность украинскими проблемами вызвала обвинения в украинофилизме. В. Бончковскому пришлось отвечать оппонентам статьей *Nie jesteśmy ukrainofilami*, в которой изложил свои взгляды на украинскую проблему:

Единственным источником нашей активности в сфере национальной политики Речи Посполитой есть должным образом и реально осознанные Благо и Честь Польши. Ничего больше. [...] Уверены, что построим могущественную Польшу только большими шагами большой внутренней и внешней политики. Знаем, что наша мощь не состоит в уменьшении украинских (белорусских или литовских) сил, а в предназначении общего направления движения, в общем экспансивном усилии, в общем поднесении, охваченного нашими национальными границами, балтийско-черноморского междуморья до уровня всемирного. Украинизм (белорусскость и литовскость) воспринимаем как своего союзника, его органическое развитие с осознанием собственной цели и экспансии воспринимаем как укрепление наших сил. И поэтому провозглашаем: „Украина должна быть свободной!” Поэтому вопрос нашей искренности или неискренности, проблема наших чувств по отношению к украинцам есть наивным вопросом и академическим. „Любим” Украину, по словам Евгения Чикаленка, „до глубины собственного кармана” и никто нас не упрекнет в отсутствии искренности и в тревоге об ее выгоде¹³.

В восприятии их деятельности украинской стороной, по убеждению В. Бончковского, для истинных украинских патриотов проблем нет вообще:

Все украинцы – истинные украинцы, без филъства и ориентаций, охваченные делом украинского освобождения так, что и с дьяволом готовы подписать союз, лишь бы только им до свободной Украины было по пути – нас поймут и с нами пойдут. О других не говорим, с другими на разговоры жаль времени¹⁴.

Среди важнейших проблем межнациональных отношений, которые рассматривал В. Бончковский, был вопрос о господстве стереотипов в представлениях одного народа о другом, которые возникали чаще всего из-за неведения, из-за отсутствия объективной информации. Поэтому главную роль своих изданий видел в распространении истинных знаний об украинцах и Украине в польском обществе. Уже в конце своего творческого пути на вопрос журналиста, что он думает об издании „Biuletyn Polsko-Ukraiński”, писатель ответил:

¹³ W. Bączkowski, *Nie jesteśmy ukrainofilami*, „Biuletyn Polsko-Ukraiński” 1935, nr 3, s. 24.

¹⁴ Там же, с. 25.

Когда думаю о „Biuletynie”, то вижу главное его значение в том, что он обеспечил форум обмена взглядами на тему будущего польско-украинских отношений. Писали там очень известные люди, было много контroversий и полемики. Заслуги „Biuletynu” очевидны. С исторической точки зрения там опубликованы сообщения, воспоминания, которые и сегодня есть ценным материалом для историков, особенно тем, которые изучают войну 1920 года и польско-украинский союз. Может быть, и сегодня стоит подумать над таким ежемесячником, который рассматривал бы отношения по линии Варшава-Киев.

А потом продолжил:

Но больше всего меня радовала публицистика на страницах бюллетеня. Издание выполняло свою роль, работа в этом коллективе людей приносила удовлетворение. Нам казалось, что можем формировать, или хотя бы влиять на отношения. Поэтому то, что там писал и сегодня для меня остается важным¹⁵.

Программа издания предусматривала развитие и углубление польско-украинского культурного диалога, предоставление объективной информации из области истории, политики, историософии, общественной жизни, литературы и искусства, познание истории и культуры соседнего народа. Среди предпосылок возникновения издания редакция указывала

„усиление внимания к польско-украинским отношениям с обеих сторон”, „недостаток знаний”, который препятствовал формированию взаимоуважения, появление публикаций, которые оперировали ложной информацией, почерпнутой из третьего источника, агитационный характер и политическая предвзятость большинства публикаций украинской прессы, отсутствие правдивой информации об „объективной сущности и развитии этих отношений”¹⁶.

Первый серьёзный анализ проблемы видим в статье *Na marginesie prób tworzenia polskiej racji stanu w kwestji ukraińskiej* (1932, № 1), где автор рассматривает истоки, идеологическую основу и составляющие понятия „национальные интересы”, его материальный и духовный аспекты, связь с геополитическими факторами и менталитетом народа. Анализируя ситуацию, сложившуюся в Европе и в мире, В. Бончковский видел Польшу 20–30-х годов втянутой в противоборство двух имперских сил: Германии и СРСР, в противостояние востока и запада. Был убежден, что в этих условиях Польша могла сохранить свою независимость, только поддерживая освободительные движения оккупированных государств восточной Европы. По этому поводу писал:

¹⁵ Strona poświęcona Włodzimierzowi Bączkowskiemu. Opracowania dotyczące Włodzimierza Bączkowskiego. *Benefis polityki federacyjnej – Rozmowa z Włodzimierzem Bączkowskim*: data publikacji 9 kwietnia 2005, www.omp.org.pl.

¹⁶ „Biuletyn Polsko-Ukraiński”, R. I, [Warszawa] 1932–1933, nr 1, c. 1–2.

Грузия, Азербайджан, Северный Кавказ, Туркмения, Украина и другие, формируя так называемый прометейский фронт, есть та сила, которая будет действовать на этой территории и сможет изменить лицо Восточной Европы. Стержнем в решении проблемы, фундаментом всего фронта, который может основательно переформатировать расклад сил, считал Украину, значительно обуславливающую освободительные перспективы для Кавказа. Она своими богатствами на сегодня служит мощнейшим живительным источником имперского режима СССР. Таким образом, логически рождается позитивная и трезвая позиция польских национальных интересов относительно независимости Украины¹⁷.

Публицист осознавал, что мир движется в сторону активной милитаризации. Первой под ее колеса с востока и запада попадала Польша. Стране нужны были союзники – другие государства, интересы которых бы совпадали. Именно среди славянских и кавказских народов, захваченных Россией, видел Бончковский польских союзников. Самым сильным и надёжным из них – Украину. Он был убежден, что решение украинского вопроса внутри Польши и поддержка независимой Украины в мире – это важнейшая часть польских государственных интересов:

Проблема независимой, действительно сильной Украины признана (всегда ли последовательно реализована?) польскими национальными интересами как условие укрепления Польши, которая должна двигаться только к укреплению польского духа, польской истории, в направлении, продиктованном геополитическим положением Польши и её истинно миссии на Востоке¹⁸.

Анализируя расклад сил в мире, подписанные мирные договоры и союзы, большинство из которых по убеждению автора были временными и ненадёжными (имел в виду украинско-немецкий, российско-немецкий, польско-российский и т.д.), подчеркивал, что никаким образом они не влияют и не уменьшают значения независимости Украины для будущего Польши. В условиях жестоких репрессий в советской Украине поддержка национальных интересов украинцев на польских территориях сформировала бы надёжный польско-украинский фронт на будущее. В. Бончковский считал этот тезис фундаментальным в польской внутренней политике, „продиктованным необходимостью спасения своего народа и требованием борьбы за независимость”¹⁹.

Развитие этой идеи видим в статье *Rozważania teoretyczne na temat kwestji ukraińskiej i Polski współczesnej* (1933, № 5–6). Писатель исторически обосновывает существование общих внешних врагов у Украины и Польши. Он указывает на общий период повальной русификации в XIX веке, на

¹⁷ W. Bączkowski, *Na marginesie prób tworzenia polskiej racji stanu w kwestji ukraińskiej*, „Biuletyn Polsko-Ukraiński” 1932, nr 1, с. 11–12.

¹⁸ Там же, с. 12.

¹⁹ Там же, с. 13.

заинтересованность России в ослаблении Польши и Украины путем подогревания антипольских настроений в Украине и антиукраинских – в Польше. Автор призывал посмотреть на актуальные проблемы с точки зрения сложившихся политических условий и национальных интересов, без доведка истории, подчеркивал, что назревает необходимость

современной жизни, независимой от истории, в смысле понимания последней как фактора, который обусловил тогдашний ход событий, необходимость независимости, которая даст объективную возможность формирования проблемы на новых началах, на интегральной „несвязанности” современного с прошлым, на обоснованной субпозиции открытия новой страницы польско-украинских отношений²⁰.

Писатель глубоко осознавал текущие исторические процессы. Он понимал, что построить независимое государство гораздо труднее, чем отвоевать его. Оперировал фактами истории, статистическими данными экономики обеих стран, событиями культурной жизни, убеждая, что главные государственные интересы Польши и Украины не имеют противоречий, а многочисленные точки их пересечения могут быть фундаментом польско-украинского союза.

Во второй части своей статьи автор изложил пункты, с которых, по его убеждению, должна открываться новая страница польско-украинских отношений в 30-е годы:

Идеи Коминтерна противопоставлены в данном случае прометейской идее, построенной на предпосылках дифференциации СССР на национальные государства. И с этой идеи, омраченной этапом будущей борьбы и изменений, возникают союзнические плечи угнетённого украинского народа, который после сброшенной неволи возьмет на себя половину тяжестей российского империализма и всех его производных. В воплощенной идее независимой Украины сегодня видит каждый трезво мыслящий поляк государственные интересы, видит собственную выгоду и реальную цель²¹.

Кроме политического, не менее важными считал экономический и духовный аспекты:

Положительное восприятие Польшей независимой Украины подтверждает и возможность неимоверно выгодного экономического польско-украинского сотрудничества, которое будет опираться на черноморско-балтийский блок, окружённый комплексами государств Балтики с одной и Кавказа с другой стороны. [...] В этом последнем аспекте рассматриваемый интерес Польши в возрождении украинской государственности приобретает новую окраску возвышенного обязательства, исполнение которого принесет для нее высшую духовную выгоду²².

²⁰ W. Bączkowski, *Rozważania teoretyczne na temat kwestji ukraińskiej i Polski współczesnej*, „Biuletyn Polsko-Ukraiński” 1933, nr 5, с. 25.

²¹ Там же, nr 6, с. 27.

²² Там же, с. 28–29.

Имелась в виду „миссия на Востоке”, о которой так много писали польские публицисты, вкладывая в нее совершенно разные значения – от обычной полонизации до несения цивилизации на восток. Бончковский видел духовную миссию поляков на востоке в реализации прометейских целей, то есть в освобождении, оккупированных Россией государств.

Связь межнациональных конфликтов с определенными чертами национальной психологии публицист рассматривал в статье *Element prowokacji w stosunkach Polsko-Ukraińskich* (1933, № 7). Отмечал изменчивость и нестабильность в поведении политических вождей, и даже прессы, которые возникают вследствие низкой политической культуры поляков и украинцев. Утрирование и нагнетание атмосферы присуще публикациям в польской и украинской периодике. Публицист призывал увидеть политическую и экономическую выгоду в сотрудничестве обоих народов:

Все, что когда-нибудь разъединяло и дразнило, пусть станет прекрасным и возвышенным, традиционное и святое для предков – должно уступить место лучшему и спокойному будущему, во имя труда рук и духа – того истинного источника всех духовных и материальных благ человека²³.

Стратегию движения вперед изложил в статье *Niecelowe dyskusje* (1933, № 10). Польско-украинские отношения в контексте мирового баланса политических сил рассматривал в статье *Pod znakiem przelomu* (1933, № 11). Считал, что трагические события последних лет в советской Украине и в Польше обуславливают необходимость крутого поворота в польско-украинских отношениях. Анализировал проблему в трёх ракурсах: государственные интересы Польши, интересы украинцев в Польше и влияние мировой политики. Называл огромной ошибкой существующую внутреннюю политику Польши по отношению к украинцам:

Неестественно было бы желать, чтобы украинское общество сразу после поражения в войне и обманутых надежд на собственное государство могло повернуться на 180 градусов и радикально изменить свое отношение к Польше и полякам. Не имеем никакого морального права мы, поляки, требовать такого поворота, потому что не единожды сделали много, чтобы испортить жизнь украинцам в новой политической реальности, помогая тем самым силам, вражеским Польше²⁴.

В конце 30-х годов в условиях назревающей военной угрозы наметилась противоположность некоторых стратегических интересов поляков и украинцев. Поляки поддерживали политику статики – всяческое движение в мире несло им угрозы потери государственности. Украинцы поддерживали политику динамики – изменение ситуации могло принести

²³ W. Bączkowski, *Element prowokacji w stosunkach Polsko-Ukraińskich*, „Biuletyn Polsko-Ukraiński” 1933, nr 7, с. 4.

²⁴ W. Bączkowski, *Pod znakiem przelomu*, „Biuletyn Polsko-Ukraiński” 1933, nr 11, с. 1.

им желанную независимость. Своё освобождение украинцы связывали с теми силами, которые рассматривались в Польше как военная угроза. В продвижении Германии на восток украинцы надеялись на ее поддержку независимой Украины. В продвижении России на запад – надеялись на распад СССР и образование своего государства. В сложившейся ситуации единственно возможным для поляков было объединение освободительного движения украинцев с национальными интересами Польши. Препградой этому были националистические силы в польском и украинском обществе. Проблему исторической сущности национализма и его роли в 30-е годы в жизни Европы рассматривал В. Бончковский в статье *Nacjonalizm* (1933, № 14–15). Он характеризовал современный ему национализм как идеологию, связанную с волюнтаризмом, построенную на „признании фактического приоритета физической силы, на послевоенном преимуществе силы над законом”²⁵.

В статье *Czy Zachód?...* (1934, № 20), которая написана в ответ на выступление Д. Донцова под таким же названием в Литературно-Научном Вестнике, Бончковский поддержал критику украинского публициста польских национал-демократов во главе с Р. Дмовским:

покрытывал лучше всех в Польше, нападая на него по самой сути, потому что с перспективы в прошлое и в будущее, со стороны комплекса „inferiority”, со стороны льстивого смеха в сторону Мекки всех безамбитных „Полячишек”, которые упиваются смрадом российского „короля духа”, тех всех Налепинских, Ледницких и т.п.²⁶

Однако он считал ошибочными взгляды Донцова на значение Польши и ее исторического опыта для будущего Украины. Особенно важным, по его мнению, было отношение Польши к России, которое отличалось от отношения Европы:

Тогда, когда для украинца Польша и ее история дает живой пример, веру в успешную борьбу, древнейшие знания о России, сильнейшие чувства по отношению к Москве, очевидную политическую выгоду в опоре на Запад! Надо только украинцам избавиться от той „мечтательности”, которая говорит им искать лучшего „за горами, за долами”, которая говорит, что там лучше, где нас не, того вечного разочарования. Украинцы должны сильнее и внимательнее всматриваться в жизнь Запада. Того Запада, с которого они почерпнули свои главные Оксидента, с которым соединяют их сотни лет непрерывного сосуществования, с которого извлекли часть своих импульсов и подъёмов. В Польше, в той Польше и сегодня найдет украинец высшие и мудрейшие для себя примеры. „Ad Fontes!”²⁷

В. Бончковский пытался каждый раз убедить польское и украинское общество в исключительной политической, экономической и культурной

²⁵ Там же, с. 8.

²⁶ W. Bączkowski, „Czy Zachód?...”, „Biuletyn Polsko-Ukraiński” 1934, nr 20, с. 1.

²⁷ Там же, с. 8.

выгоде сотрудничества. Эта идея – центральная в его публицистике. Прослеживая хронологию его выступлений в издании „Biuletyn Polsko-Ukraiński”, можно отметить их постепенную актуализацию к концу 30-х годов. Он начал обращать больше внимания на события внутривнутриполитической жизни Польши, конфликты и проблемные ситуации на восточных землях, на отражение текущей жизни.

Вокруг редакции собирались тучи, участились конфискации, назревало закрытие издания. С другой стороны в исторической жизни всей Европы приходили к развязке механизмы и процессы, которые были уже давно запущены и достигали своего завершения. Самые умные советы и решения уже не могли их остановить. Во второй половине 30-х годов В. Бончковский призывал немедленно действовать, изменять назревающие трагические события. В статье *Myśli o nowej Polsce* писал о решающем значении украинского вопроса в исторической судьбе Польши:

Все, что случилось, уже за нами, все это вынуждает нас к высшим усилиям во всех сферах. История дает нам выбор: погибнуть или быть сильными. Существовать и плыть по течению – невозможно. Невозможно!²⁸.

В своих размышлениях польский публицист опирался на идеи и авторитет Ю. Пилсудского, высказывания и фрагменты работ которого часто цитировал на страницах издания. Всегда это были сентенции, в которых политик призывал к взаимопониманию, сотрудничеству, толерантности:

Важно то, чтоб наш край понял, что свобода, если призвана давать силу, то должна объединять, связывать, должна подавать руку соседям и соперникам, должна уметь стирать противоречия, а не только стоять на своём. Лишь с такой взаимной уступчивости, лишь с такого взаимного уважения рождается большая сила в трудные минуты, в моменты государственных кризисов²⁹.

В. Бончковский постоянно вел дискуссии с другими польскими и украинскими изданиями, публиковал отзывы на события общественной жизни. Отмечал вредное влияние на жизнь обеих народов коммунистической и националистической идеологий. В своих выступлениях *Na tle Gródka Jagiellońskiego* (1932, № 2), *Tadeusz Hołówko w kwestji ukraińskiej* (1932, № 3), *W rocznicę tragicznej śmierci* (1933, № 18), *Wojna czynnikom rozkładu* (1933, № 27), *Kolejny fałsz endecji* (1933, № 33), *Nowe tamidło* (1935, № 40), *Moskwa i hajdamactwo XX-go wieku* (1935, № 34) писал об экстремистских проявлениях националистических и коммунистических организаций. Главную ошибку польской политики по отношению к украинцам видел в том, что

²⁸ W. Bączkowski, *Myśli o nowej Polsce*, „Biuletyn Polsko-Ukraiński” 1933, nr 21, s. 1.

²⁹ J. Piłsudski, *Myśli*, „Biuletyn Polsko-Ukraiński” 1934, nr 27, s. 3.

целые толпы украинской молодёжи вследствие польской национальной политики оказались отстранёнными от государственной жизни, не имеют возможности для соответственной отдачи своей жизненной энергии, оказались брошенными в гетто собственного неудовлетворения и бунта против существующего положения дел – кто же, как не мы сами облегчили врагу возможность организовать эту молодёжь в послушное ему орудие...³⁰

Публицист понимал и пытался объяснить противоположное восприятие украинцами и поляками вооруженных выступлений некоторых украинских организаций. Для украинцев это был патриотизм и борьба за независимость доступными им методами. Для поляков это было преступление против их государства. Огромной потерей называл смерть Т. Голувки, польского политика, известного как защитника интересов украинцев в польском правительстве.

В ряде своих работ (*Zarys podstaw rozwiązania problemu ukraińskiego w Polsce* – 1935, № 7; *Zagadnienie polskości na Kresach* – 1936, № 144–145; *Sprawa ukraińska w świetle aktualiów* – 1937, № 196 i 197 и др.) В. Бончковский изложил план преодоления противоречий межнационального характера, которые могли привести к трагическому обострению и само-развязке. Он предвидел шаги в политической, экономической и культурной сферах:

Государство должно взять на себя роль главного источника успокоения украинских национальных устремлений с опорой на политические интересы. Это единственно возможная форма одновременного существования двух неодолимых и неистребимых факторов: политической „омnipотенции” польского государства и украинских национальных устремлений. Таким образом, будет реализован момент всеобъемлющей государственной жизни, а также потребность украинского культурного и хозяйственного развития под эгидой государства, которое послужит очевидным доказательством неограниченных возможностей государства во вдохновении всех общественных и массовых проявлений жизни ее граждан³¹.

В последние два года функционирования издания В. Бончковский писал об утраченных возможностях, об изменениях во внутренней и внешней политике, об обострении межнациональных конфликтов, о нарастании угрозы военного противостояния в статьях и сообщениях *Sprawa ukraińska w świetle aktualiów*, *Na zakręcie, Jaki ma być polski nacjonalizm?*, *Idziemy ku nowej chmielniczyźnie* в 1937 году и *Problem problemów polskich*, *Wojna czy pokój*, *Abecadło problemu polsko-ukraińskiego*, *Aktualizacja sprawy ukraińskiej* в 1938-м.

³⁰ W. Bączkowski, *Na tle Gródka Jagiellońskiego*, „Biuletyn Polsko-Ukraiński” 1932/1933, nr 2, с. 33–34.

³¹ W. Bączkowski, *Zarys podstaw rozwiązania problemu ukraińskiego w Polsce*, „Biuletyn Polsko-Ukraiński” 1935, nr 7, с. 76.

Кроме публицистики В. Бончковского, огромное значение для представления идей прометеизма на страницах издания имели выступления единомышленников редактора, известных польских политических и общественных деятелей: Л. Василевского, Ад. и Ал. Бохенских, С. Лося, К. Симоновича младшего и др. Не всегда их взгляды на рассматриваемые вопросы совпадали, однако присутствие этих имен говорило о единстве в принципиальных позициях и значительно повышало интеллектуальный уровень издания.

Символическая личность бюллетеня – Леон Василевский, соавтор польской восточной политики, дипломат, историк, приверженец федеративной Польши, противник колонизации украинцев и белорусов, сторонник их государственной ассимиляции. Опубликовал статьи *O drogi porozumienia* (1932), *Wnioski konjunkturalne* (1933), *Na marginesie pewnego wydawnictwa* (1935) и др.

В статье *O drogi porozumienia* рассматривал восточную политику Польши и восточные проблемы, анализируя обострение польско-украинских отношений внутри государства, возлагал всю ответственность за это на польских политиков. Был убежден, что независимость и превалирующее положение обязывает их искать пути решения проблем, выгодные для обеих сторон. Утверждал, что только холодный расчет и обоюдный прагматизм могут стать основой длительного союза:

Безусловно общие интересы Польши и Украины, приняты в широком смысле с общенациональных позиций, могут стать рычагом большой силы. Однако этот рычаг сможет действовать результативно и быстро только тогда, когда будет опираться на искреннее согласие, исключаяющее любую двусмысленность. И мы, поляки, должны хорошо осознавать то, чего украинцы могут ожидать от нас, а украинцы должны осознавать хорошо, на что могут рассчитывать с нашей стороны. От этого надо начинать польско-украинское сближение, потому что это должно сопровождаться взаимным познанием, с которого будет возникать согласие³².

Л. Василевский разработал тактику политических решений, в которой предлагал начинать с отправной точки, с самих себя, с осознания тех проблем, которые имеют украинцы в Польше. Свою критическую и жесткую оценку ситуации изложил перечнем риторических вопросов, на которые, по его убеждению, должен был дать ответ каждый поляк:

Почему, например, статьи нашей конституции, которые обеспечивают равенство украинского населения, на практике часто остаются мертвой буквой? Почему молодой украинец, который окончил украинскую государственную гимназию, должен ехать в высшую школу в Чехословакию, чтобы потом успешно работать на своей родной земле? Почему на Волыни почти нет украинских школ, хотя украинское население составляет там значительное большинство, и почему там проводится утравкистическое обучение даже

³² L. Wasilewski, *O drogi porozumienia*, „Biuletyn Polsko-Ukraiński” 1932/1933, nr 2, с. 3.

в тех школах, где совсем нет польских детей? Почему высококвалифицированный и лояльный учитель украинец может учить польских детей на Приморье и в Келецком регионе, но не может учить украинских детей в своем родном селе? Почему в Киеве, Харькове или Одессе выходят за деньги оккупационного советского правительства не только агитационные брошюры, но и сотни научных работ, когда в бюджете Польши нет ни гроша на Общество имени Т. Шевченко во Львове? Почему в польском государстве в православной церкви к украинцам применяется российская украиноненавистническая политика?³³

В статье *Wnioski konjunkturalne* Л. Василевский утверждал, что самостоятельность Украины – это международная проблема и вопрос польских национальных интересов. Сепаратизм украинского национализма на польских землях называл самоубийством и подчеркивал необходимость объединения национальных сил украинцев. Задачу поляков видел в поддержке их освободительного движения и развитии очагов украинской культуры:

Безусловно, политическая близорукость и ослепление существующей конъюнктурой некоторое время будет приносить печальные триумфы. Но задача людей, которые опережают мысль интересы дня нынешнего, провозгласить ту правду, что конъюнктура – это переходное и изменчивое явление, в то же время государство требует такой политики, которая не привела бы к поражению при любой конъюнктуре. Такой должна быть отправная точка польской политики³⁴.

Л. Василевский говорил о вреде москвофильства и разрушительном влиянии пророссийских тенденций, которые видят украинцев провинциальными жителями российской империи. За многочисленными польско-украинскими конфликтами, как и смертью С. Петлюры, видел скрытую руку большевистской Москвы, которой польско-украинский союз невыгоден. Возвращение земель Галиции и Волыни стояло на повестке дня ее завоевательных намерений, что и подтвердили события 1939 года.

Среди деловитости и прагматизма политической публицистики издания выделялся свои ярким индивидуальным стилем Ад. Бохенский, известный польский политический писатель 20–30-х годов. В своих работах рассматривал вопросы государственного устройства, национальной политики, ягеллонские идеи, разработал теорию национального государства. В вопросе международных отношений их универсальной формой считал политический релятивизм, который должен заменить устаревшие имперские лозунги. Пытался соединить идею сильного государства и гражданские свободы.

В 1933 году на страницах издания „*Biuletyn Polsko-Ukraiński*” опубликовал большое исследование о Вяч. Липинском под названием

³³ Там же, с. 4.

³⁴ L. Wasilewski, *Wnioski konjunkturalne*, „*Biuletyn Polsko-Ukraiński*” 1933, nr 24, с. 3.

„Ukraiński Maurras”. В дискуссии о Рижском договоре выступил со статьей *Jeszcze o traktacie ryskim*. Демонстрировал яркий метафорический стиль, использовал исторические параллели, оперировал огромным фактическим материалом, не скрывал своих чувств и эмоций.

Его брат Ал. Бохенский публиковал свои работы в основном в газете „Bunt Młodych”. На страницах бюллетеня участвовал в анкете *Jak rozwiązać zagadnienie polsko-ukraińskie?*, которую проводила редакция в 1937–1938 годах. В своем ответе изложил базовые психологические моменты, без которых, по его убеждению, невозможно решение проблемы вообще. Уменьшить антагонизм можно путем кардинальных изменений в политической психологии, и начать эти изменения должна была польская сторона, осознав непригодность украинцев к колонизации и возможность их труда на благо польского государства. Публицист осуждал экстремизм украинских националистов и аргументировал его вредные последствия:

Все террористические акции отбрасывают украинскую национальную и культурную жизнь назад, а всякие легальные действия ведут ее к развитию³⁵.

Приязненное отношение украинцев полностью, по словам писателя, зависело от польских властей.

В 1937–1938 годах на страницах издания появились работы П. Дунин-Борковского, польского консервативного политика, государственного деятеля и политического писателя: *Blaski i cienie normalizacji* (1937), *Odpowiedź na ankietę „Biuletynu”*, *Problem kordonu sokalskiego*, *Jeszcze o polityce na Wołyniu* (1938) и др. В них он рассматривал экстерминационную и либеральную концепции национальной политики, используя исторический опыт разных народов и эпох. Говорил о возможности применения на востоке Польши исключительно либеральной политики, поскольку население этого региона имеет смешанный характер. Изложил план действий польских властей в хозяйственной сфере, образовании и культуре, необходимых для стабилизации ситуации. Убеждал в экономической и политической выгоде сотрудничества:

Не думаю, что на самом деле руководитель украинской экономической политики в какой-нибудь сфере, осознав, какую выгоду несет эта экономика польскому государству, перестал бы работать, чтобы принести этому государству вред. Навредил бы и себе, и своему народу. Точно также невозможно, чтобы какой-нибудь руководитель польской государственной экономической политики, например промышленности или торговли, захотел бы навредить государству в международной торговой политике, чтобы задеть украинцев³⁶.

³⁵ А. Bocheński, *Jak rozwiązać problem polsko-ukraiński*, „Biuletyn Polsko-Ukraiński” 1938, nr 10 (249), с. 104.

³⁶ Р. Dunin-Borkowski, „Biuletyn Polsko-Ukraiński” 1938, nr 1 (240), с. 4.

Определяющим моментом восточного региона считал смешанность населения, которая не позволяла мыслить в интересах лишь одного народа:

мыслить таким образом, означало не получить положительных результатов даже для этого одного народа, не говоря уже о государстве, к которому этот край относится³⁷.

Развитие этого тезиса встречаем в работах историка и публициста, сторонника прометейских идей С. Лося. В своем ответе на анкету редакции он писал:

очевидной реальностью есть двунациональный, двуязычный, двуобрядовый раздел славянского элемента... Неприятие такого положения дел, сформированного столетиями, приведет к постоянным склокам, спорам и дестабилизации с огромными моральными и материальными потерями для всех жителей края³⁸.

Базовым принципом решения национальных проблем считал национальный параллелизм и паритет, который успешно применялся в межконфессиональных отношениях. Защищал языковое равенство, двуязычие в общественной жизни, официальный статус желто-синих цветов, замену утраквистических школ отдельными школами с украинским и польским языком обучения, внедрение самоуправления и национальных курий, открытие украинского университета во Львове, равенство хозяйственного и культурного развития украинского населения. Писатель пытался убедить, что государству выгоднее иметь сознательного организованного украинца, который имеет широкие права и боится их потерять. В статье *O zagadnieniu ukraińskim* писал о необходимости перехода от экспансивной политики к сотрудничеству. Говорил, что польская сторона обязана сделать первые шаги.

Довольно загадочной личностью авторского состава еженедельника „*Biuletyn Polsko-Ukraiński*” оказался Константин Симонолевич младший. Информацию об его жизненном пути удалось разыскать только в материалах к биографическому словарю, собранных в рукописном наследии С. Лама, хранящихся в Польской библиотеке в Париже³⁹.

³⁷ Там же, с. 5.

³⁸ S. Łoś, *Odpowiedź na ankietę „Biuletynu”* (№ 9), „*Biuletyn Polsko-Ukraiński*” 1938, nr 4 (243), с. 33.

³⁹ В рукописях С. Лама хранится автобиография К. Симонолевича, присланная им из США. В ней читаем: „Родился 5 августа 1909 года в Петербурге (Россия). Родители – Константи и Лидия с дома Черенков. Отец по образованию ориенталист, был автором работ о Китае и политических вопросах Дальнего Востока, напечатанных в 1927–1939 годах. Образование – польская гимназия в Харбине, потом Варшавский университет и докторат с философии. Первые 3 года жил в России, потом 15 – в Китае, 1927–1939 годы – в Польше, 1939–1959 гг. – в Америке...” *Biblioteka Polska w Paryżu, St. Lam, sygn. 1264, s. 205–207.*

В статье *Tragedja polskiego ukrainofilizmu* (1933, № 9) К. Симонолевич, рассматривая польское украинофильское движение 30-х годов, утверждал, что это „разрозненные и несогласованные между собой начинания различных людей и кругов Польши, которые имеют „украинофильский” характер”⁴⁰. Публицист подчеркивал две определяющие черты этого явления – „очень молодой”, пробивающий себе путь, и движение „против течения”, поскольку „польское общество (не будем объяснять почему) в целом отличается украинофобией (хотя только в области политики)”⁴¹. Функционирование этого движения автор приравнивал к „складу динамита”. Таким видел публицист состояние польско-украинских отношений, причем как следствие деятельности политиков с обеих сторон. Именно они привели не к решению, а к максимальному обострению, напряжению и фанатической бескомпромиссности. Причины такого катастрофического состояния проблемы видел К. Симонолевич в фальшивых представлениях о силе и значении соперника, в результате которых родились преступные легенды. Писатель подчеркивал важнейшую информационную миссию польского украинофилизма, рассматривал его вне традиции XIX века и придавал большое значение в будущем.

Публицистические выступления польских прометеистов, список которых не исчерпан выше рассмотренными именами, на страницах периодических изданий между двумя войнами, особенно на страницах месячника, а потом еженедельника „*Biuletyn Polsko-Ukraiński*”, имели огромную информационную и формирующую общественное мнение (пропагандистскую) функции. Это был значительный шаг на перспективу, на кардинальное изменение вектора польско-украинских отношений и новый рациональный взгляд на сущность межнациональных отношений в целом. Ежегодники издания кроме величайшего культурного значения и сейчас могут служить незаменимым историческим источником.

Svetlana Kravchenko

**PROBLEM POLISH-UKRAINIAN RELATIONS ON THE GEOPOLITICAL
CONCEPTIONS OF POLISH PROMETHEISM, WHICH PRESENTED
ON THE NEWSPAPER PAGES IN 30TH YEARS XX CENTURY**

The article is about main ideas publicistical speeches of promethetors, which devoted of that time Polish-Ukrainian relations problem and published on the newspaper pages, which was a rostrum of polish prometheizm. The idea of state power and “jagellonizm” was their fundamental

⁴⁰ К. Symonolewicz jr., *Tragedja polskiego ukrainofilizmu*, „*Biuletyn Polsko-Ukraiński*” 1933, nr 9, с. 3.

⁴¹ Там же, с. 3.

conceptions. The author analyses the publications of polish promethetors on the columns of "Bunt Młodych" i "Biuletyn Polsko-Ukraiński", which presented the ways for solving Ukrainian problem in 30th years in Poland. She looks steps of psychological, cultural and political contents. The publicists underlined the importance of leading self-government and take into account the national interests of Ukrainian people in inland politic of country. They were convinced of success-full deciding of Ukrainian question because it give them safety from east. The did accent on the main point of concept of political conjuncture, stereotypes of mass consciousness, national interests, "mission on the East".

The main attention grand to publicistic writing of V. Bochkovski, who is a specialist of east problems, who looks the polish national interests in the contests of east-west or Germany – Russia and he motivated political, economical and cultural use of Polish-Ukrainian union. Also valued the main thesis of his conceptions, thesis of strategical and tactical character, the payment of publicist to the development of Polish-Ukrainian dialogue. The article indicates the influence by authority of J. Pilsudskij on the points of view promethetor's.

The article also analyses publicistic speeches of another authors – Leon Vasylevski, Adolf and Alexandr Bochenski, Stanislav Losj, Konstant Symonolevych, Piotr Dunin-Borkovski *etc.* Also the article gives short biographical information about K. Symonolevych, which is the least popular polish publicists, and come out on the pages of newspaper "Biuletyn Polsko-Ukraiński". The author analyses informatinal, opinionical and historical meaning of this publications.

Swietłana Krawczenko

ZAGADNIENIE STOSUNKÓW POLSKO-UKRAIŃSKICH W GEOPOLITYCZNEJ KONCEPCJI POLSKICH PROMETEISTÓW, ZAPREZENTOWANEJ NA ŁAMACH CZASOPISM Z LAT TRZYDZIESTYCH WIEKU XX

W artykule są rozpatrywane główne idee zwolenników ruchu prometejskiego, dotyczące zagadnień stosunków polsko-ukraińskich okresu międzywojennego prezentowane na łamach czasopism, które stały się placówkami polskiego prometeizmu. Fundamentem koncepcji tych działaczy była idea państwa – mocarstwa, a także idea „jagiellońska”.

Autorka przeanalizowała zwłaszcza wypowiedzi prometeistów polskich opublikowane na łamach czasopism „Bunt Młodych” i „Biuletyn Polsko-Ukraiński”, w których zaprezentowane są propozycje rozwiązania zagadnienia ukraińskiego w Polsce lat trzydziestych wieku XX. Omówione zostały psychologiczne, kulturowe i polityczne aspekty problemu. Publicyści podkreślali najważniejsze punkty dotyczące „samourządzenia”, uwzględnienia w wewnętrznej polityce państwa interesów narodowych ludności ukraińskiej. Prezentowali przekonanie, że pomyślnie rozwiązanie kwestii ukraińskiej zapewni bezpieczeństwo od wschodu. Rozpatrywali istotę pojęć, takich jak: polityczna koniunktura, ukrainofilizm, stereotypy masowej wyobraźni, racja stanu, interesy narodowe, „misja na Wschodzie” i in.

Badaczka odrębnie omawia publicystykę Włodzimierza Bączkowskiego, specjalisty z zakresu wschodniej problematyki, który poddawał analizie polskie interesy narodowościowe w kontekście dylematu „wschód–zachód”, czyli „Niemcy–Rosja” i uzasadniał polityczne, ekonomiczne i kulturowe priorytety polsko-ukraińskiej współpracy. Zaprezentowała główne zasady koncepcji Włodzimierza Bączkowskiego, punkty dotyczące strategicznego i taktycznego charakteru problemu, wkład publicysty w rozwój polsko-ukraińskiego dialogu.

W artykule zajęto się też wpływem autorytetu Józefa Piłsudskiego na poglądy przedstawicieli ruchu prometejskiego. Omówiono również występy publicystyczne innych działaczy – Leona Wasilewskiego, Adolfa i Aleksandra Bocheńskich, Stanisława Łosia, Konstantego Symonolewicza, Piotra Dunina-Borkowskiego. Autorka dokonała analizy historycznego, informatycznego i opiniotwórczego znaczenia prac tych publicystów, podała krótki biogram Konstantego Symonolewicza, jednego z najmniej znanych twórców ze środowiska polskich prometeistów, który pisał dla „Biuletynu Polsko-Ukraińskiego”, odnaleziony w zbiorach rękopisów St. Lama w Polskiej Bibliotece w Paryżu.